

— Цюэ Цю?!

Трое в один голос выкрикнули имя Цюэ Цю.

Среди них Сюй Фэн оказался самым внимательным. Заметив, что омега выглядит ослабленным, он поспешил подойти и поддержать его.

— Цюэ Цю, с тобой всё в порядке? — В его глазах отражалась забота.

— Ничего, просто потратил много ментальной энергии. Немного отдохну, и всё пройдёт, — сказал Цюэ Цю.

Увидев это, все с облегчением вздохнули.

Бай Тяньсин тоже осознал, что истина, казалось, была не такой, как он представлял, но всё же не удержался и нахмурился, недовольно сказав:

— Всего несколько дней не виделись, как же ты довёл себя до такого состояния? И ещё говоришь, что добровольно. Наверняка эти бесстыдные альфы тебя обманули.

Цюэ Цю, которого Сюй Фэн усадил на диван, не успел сказать ни слова, как Тан Бутянь парировал:

— Разве этот человек не прямо перед твоими глазами? Ты же сам видишь, и всё равно несёшь чушь?

Бай Тяньсин упёр руки в бока и пренебрежительно произнёс:

— Кто знает, каким дурманом вы напоили маленького омегу? Скорее всего, вы промыли ему мозги.

Увидев, что двое вот-вот поссорятся, Цюэ Цю с некоторой беспомощностью прервал их спор:

— Разве я не сижу здесь в полном порядке? Хватит ссориться.

Тан Бутянь хорошо его слушался. Как только сказали не ссориться, он тут же замолчал и сел рядом с Цюэ Цю.

Бай Тяньсин с недовольством скривился в сторону альфы-бурого медведя, а затем снова сменил выражение на доброжелательное и сказал:

— У них изо рта льётся одна ложь, я хочу услышать всё от тебя лично.

Увидев это, Цюэ Цю понял, что тот не отступит, пока не достигнет цели. Он сказал Тан Бутяню и Сюй Фэну:

— Вы пока что возвращайтесь, хочу с ним поговорить.

Альфы встали, собираясь уйти, но Сюй Фэн всё ещё немного беспокоился, тихо сказав:

— Он выглядит таким опасным. Цюэ Цю, тебе правда не нужно, чтобы мы остались и помогли?

— Не волнуйся. Я знаю, что делаю.

После нескольких встреч Цюэ Цю уже хорошо разобрался в характере Бай Тяньсина. Он знал, что такого омегу нужно гладить по шёрстке.

Сюй Фэн, уходя, снова напомнил:

— Ладно, если он посмеет тебя обидеть, обязательно позови нас на помощь.

Цюэ Цю послушно кивнул.

Проходя мимо Бай Тяньсина, Тан Бутянь, что было для него редкостью, проявил свирепость и бросил ему угрозу:

— Несмотря на то, что ты омега, если посмеешь обидеть Цюэ Цю у нас на глазах, тебе конец.

— Хмф, как смешно! Только омега будет жалеть омегу. Вы, лицемерные альфы, всего лишь притворяетесь.

Когда Сюй Фэн и Тан Бутянь вернулись в спальни, Бай Тяньсин нетерпеливо сел рядом с Цюэ Цю, взял его за руку и внимательно осмотрел его состояние.

— Вроде серьёзных проблем нет. Должно быть, они не применяли к тебе пыток, но... — Он резко сменил тему, глубоко нахмурившись. — Но почему от тебя пахнет кровью? Ты ранен?

Сердце Цюэ Цю ёкнуло. Он почти мгновенно вспомнил о феромонах Морфа.

Он инстинктивно потрогал заднюю часть шеи, не ожидая, что у Бай Тяньсина такой острый нюх.

— Воз-возможно... — Видя, что Бай Тяньсин, как щенок, всё ближе принюхивается, Цюэ Цю поспешил найти оправдание: — Возможно, это запах с лечебного отделения.

— С лечебного отделения? — Бай Тяньсин с подозрением посмотрел на него. Его взгляд был похож на взгляд законной жены, сомневающейся, не завёл ли муж на стороне любовницу.

— Кхм, наверное, да.

Когда Цюэ Цю лгал, выражение его лица никогда не менялось, создавая впечатление человека, заслуживающего доверия. На этот раз, естественно, было то же самое, так что Бай Тяньсин быстро оставил эту тему, решив не допытываться.

Но почему-то, когда дело касалось таких несколько личных вещей, характер Цюэ Цю, обычно не скрывающего ничего, на этот раз тихо изменился.

Другими словами... он чувствовал некоторую неловкость?

— Ладно, хорошо, раз с тобой всё в порядке. — Бай Тяньсин успокоился и снова сел.

Только тогда Цюэ Цю облегчённо вздохнул и сменил тему:

— Кстати, почему ты вдруг пришёл? Что-то случилось?

— Ты ещё говоришь! Ты, как омега боевого факультета, отправился в лечебное отделение и провёл ментальное успокоение для группы альф и бет с аномальными результатами генетического теста. Эта новость уже давно разнеслась по академии. Услышав это, я сразу почувствовал неладное. Я подумал, что эти мерзкие альфы удерживают тебя, и поспешил прийти.

Цюэ Цю не мог не вспотеть от безрассудного поступка Бай Тяньсина:

— Это слишком опасно, нельзя без предварительного выяснения истины так опрометчиво приходить. Хорошо, что я действовал добровольно, но если бы меня действительно принуждали? Разве ты не поставил бы себя в опасное положение?

Бай Тяньсин сказал:

— Ситуация была срочная, разве я мог думать о чем-то? В голове оставалась только мысль о твоей безопасности. И разве я не говорил тебе раньше, что альфы выглядят уступчивыми по отношению к омегам, но на самом деле в любой момент могут сбросить лицемерную маску и причинить вред? Иначе, если они действительно безоговорочно хороши к нам, зачем принуждают омег-целителей к дежурству?

Цюэ Цю сказал:

— В этом деле я действительно действовал по собственной воле. Сейчас два моих соседа ушли, никто не следит за мной и не принуждает меня. Мой ответ по-прежнему только один.

В глазах Бай Тяньсина отразилось глубокое недоумение:

— Почему? Чем же эти проклятые альфы и беты так хороши, что ты готов из последних сил спасать их?!

— Здесь нет вопроса о том, хороши они или нет. Они просто обычные люди, и если вдуматься, в глазах большинства, возможно, действительно «не заслуживают» этого. Но среди них есть мои друзья и товарищи. У меня есть возможность спасти их, поэтому я так и поступил. Вот и всё.

Цюэ Цю отвечал с бесстрастным лицом, словно на самый обычный, заурядный вопрос.

Но Бай Тяньсин окончательно перестал понимать. Его эмоции стали возбуждёнными, а тон — нетерпеливым.

— И из-за этого ты готов истощать свои ментальные силы, лишь бы помочь им?! Разве я не рассказывал тебе, как эти проклятые альфы и беты в своё время ненасытно эксплуатировали растения и омег?! Как ты можешь помогать этим отъявленным палачам?!

Череда вопросов из-за чрезмерного волнения стала похожа на допрос, но Цюэ Цю на все эти острые вопросы сохранял неизменно спокойное отношение.

Он равнодушно произнёс:

— Прошлые ошибки нельзя использовать для осуждения нынешних грехов. Тем более эти альфы и беты — всего лишь больные, а не преступники.

— Какая разница! Для омег каждый альфа и бета в этой Империи либо палач, либо молчаливый сообщник! Они рождены из страданий омег, и спасая их, ты предаёшь тех омег, что в прошлом перенесли нечеловеческие мучения!

— Я понимаю, что омегам нужны способы помнить страдания предков, поэтому я не считаю, что вы ошибаетесь, отказываясь от назначенных дежурств. Я просто сделал другой выбор. Я думаю, что никто из нас не ошибся.

Даже сталкиваясь с вышедшим из себя Бай Тяньсином, Цюэ Цю сохранял хладнокровие и рассудок. Он надеялся, что омега немного успокоится.

Но Бай Тяньсин совершенно не слушал эти слова и лишь безудержно выплёскивал свои эмоции:

— Эти проклятые альфы и беты вообще не заслуживают, чтобы ты делал это для них! Кто виноват в том, что они носят генетическую болезнь? Это их наказание!

Цюэ Цю пришлось продолжить:

— Ты говоришь, что прошлые страдания омег были вызваны альфами и бетами, и я согласен с твоими словами. Большинство из них, возможно, и вправду были молчаливыми сообщниками. Но время уже совершило над ними суд. Из поколения в поколение они вечно будут терпеть мучения генетической болезни. Над их головами в любой момент может упасть меч Дамокла, оборвав их короткую и грешную жизнь.

— Сейчас же эти альфы и беты, которые не совершали тех деяний, по-прежнему искупают вину своих предков. Они соблюдают несправедливые имперские законы, получают минимум ресурсов, отдавая максимум ценности. Их с рождения учат безоговорочно уступать каждому омеге. Всё общество требует от них неустанно трудиться, как рабочие муравьи. Поначалу, не зная истины, я чувствовал к ним несправедливость...

— Не смей смягчаться! Они сами виноваты! — Бай Тяньсин волновался так, будто Цюэ Цю вот-вот ступит на неверный путь, и его нужно срочно вернуть на правильный.

— Да, узнав, как жестоко обращались с омегами в прошлом, я не жалею и не сочувствую этим альфам и бетам. Но как бы то ни было, нельзя отрицать, что они действительно искупают прошлые преступления. А что же настоящие убийцы?

Цюэ Цю смотрел прямо в глаза Бай Тяньсина. Его тон был ровным, но каждое слово звучало весомо и чётко.

Бай Тяньсин почувствовал тревогу в сердце от этого взгляда.

Настоящие убийцы?..

Цюэ Цю продолжил:

— Настоящие убийцы с самого начала и до конца остаются за кулисами — и в прошлом, и сейчас. Тогда они взбирались на трон, высасывая кровь и плоть омег, а сейчас поработают обычных альф и бет, чтобы сохранить свою власть. С начала и до конца они так и не предстали перед судом, даже не получили ни малейшего возмездия — ведь генетическая болезнь, которая есть почти у каждого альфы и беты, у них, вероятно, вообще никогда не проявляется.

— Потому что они и есть убийцы, и к тому же принадлежат к высшей элите. Их окружают

самые высококлассные омеги, у них самые богатые растительные ресурсы и вполне достаточно возможностей, чтобы держать генетическую болезнь на стабильно низком уровне. «Демон», терзающий бесчисленных обычных альф и бет, в глазах этих людей на самом деле не так уж и страшен.

— Никто не судил их, и даже генетическая болезнь не судит. Тем временем обычные, повсюду встречающиеся в нашей повседневной жизни альфы и беты несут на себе вину, которая им не принадлежит. Разве это справедливо?

Цюэ Цю почти никогда не говорил пространно. Даже в таких вопросах, по сравнению с тоном Бай Тяньсина, он был сдержанным, даже можно сказать, мягким.

Но Бай Тяньсин не смог ответить ни на один заданный вопрос.

В конце концов Цюэ Цю сказал ему:

— Ты можешь сохранять гнев, но одновременно тебе нужно сохранять и рассудок.

Бай Тяньсин сжал кулаки, опустил глаза и долго размышлял.

Никто не знал, о чём он думал. Но слова Цюэ Цю несомненно глубоко потрясли его.

Его лишь учили помнить эти шрамы на телах омег, но никто не говорил, кто именно нанёс эти шрамы.

Осознав, что, возможно, он был слишком одержим, Бай Тяньсин снова не мог сдержать обиды. На его глазах заблестели слёзы. Слова больше походили не на упрёк Цюэ Цю, а на желание упрямого ребёнка получить подтверждение и утешение.

— Ты имеешь в виду, что я ошибся? Но, разве это правило, обязывающее омег-целителей дежурить, не является другой формой порабощения? Просто под более красивой упаковкой! Разве это может скрыть тёмную сущность поступков?!

Цюэ Цю тихо вздохнул:

— Я не говорил, что ты не прав.

— Не... не прав... — Бай Тяньсин ошеломлённо смотрел на него, даже не зная, когда его слёзы упали.

Цюэ Цю слегка наклонился вперёд, протянул руку и нежно стёр слёзы с лица омеги с

гипсофилой.

— Конечно, ты не неправ, — сказал он. — Даже сейчас я не скажу тебе, что твой выбор не спасти тех альф и бет с лечебного отделения — ошибочен. Перед любым альфой или бетой, даже перед директором Гэбом, никто не может сказать, что вы неправы. Потому что у меня есть право свободного выбора, а у вас нет. Я ничем не лучше остальных омег. Просто у меня есть возможность выбирать.

Цюэ Цю сделал лёгкую паузу, прежде чем продолжить:

— Я всегда считал, что омеги ни в чём не виноваты. Как альфы и беты. Ошибочные последствия должны нести те, кто действительно совершил ошибку, а не вы или они.

Бай Тяньсин словно что-то смутно понял, но эти мысли были слишком туманны. Он не смог их ухватить и ошеломлённо спросил:

— Тогда ты всё ещё вернёшься в леченое отделение?

Цюэ Цю кивнул:

— Вернусь.

— Но ведь это явно не твоя обязанность...

— Я просто голосую за мир, который мне нравится, — сказал Цюэ Цю.

— Мир, который нравится? — Бай Тяньсин не совсем понимал.

— Например, возьмём готовый пример: ты можешь свободно выбирать, хочешь лечить тех альф и бет, вместо того чтобы вынужденно принимать дежурство.

Бай Тяньсин задумался. Он, казалось, что-то прояснил для себя, вытер слёзы и сказал Цюэ Цю:

— Мне нужно подумать об этом. Но всё равно спасибо тебе.

Цюэ Цю покачал головой:

— Я ничего не сделал.

Бай Тяньсин вдруг приблизился к нему. Цюэ Цю не успел среагировать, как его звонко

чмокнули в щёку.

— Конечно, ты сделал для меня кое-что. Ты мой учитель на четверть часа.

Хотя Цюэ Цю всегда сохранял холодное выражение лица, у него была тонкая кожа*. После внезапного поцелуя Бай Тяньсина на его щеках тут же вспыхнул румянец.

П.п.: «Тонкая кожа» описывает человека, который легко смущается.

Он поспешно отстранил омегу, немного смущённо отвернувшись:

— Ты... что ты делаешь?

Бай Тяньсин подмигнул. Выражение его лица было искренним, а тон естественным.

— Целую тебя.

Такая откровенная реакция, наоборот, смутила Цюэ Цю.

Он невольно подумал: если бы Морф не вошёл в стадию окукливания, то сейчас, наверное, уже прыгал бы от злости и досады, желая выскочить и проучить Бай Тяньсина.

— Тогда я пойду, а ты хорошенько отдохни. Не спеши возвращаться в лечебное отделение, пока твоё тело полностью не восстановится.

Слова Бай Тяньсина вывели Цюэ Цю из задумчивости. Он кивнул, ошеломлённо произнеся:

— О.

Перед уходом Бай Тяньсин с неохотой ущипнул его за щёку:

— Такой милый.

После того как омега с гипсофилой поспешно ушёл, ранее оживлённая гостиная сразу же затихла. Только тогда у Цюэ Цю появилась возможность проверить состояние внутри себя.

Он закрыл глаза и собрал в даньтяне* духовную силу. По всему его телу словно протекали золотые лучи. Как тысячи рек, стекающие в океан, все текли к определённому месту в центре.

П.п.: Дантьянь — ключевой энергетический центр в теле человека. Место, где накапливается, преобразуется и циркулирует жизненная энергия ци.

Цюэ Цю сначала потратил значительную часть духовной силы на лечение альфа боевого факультета с лечебного отделения. Вернувшись в общежитие и отдохнув лишь одну ночь, он снова истощил духовную силу, чтобы обеспечить энергией Морфа, вступившего в стадию окукливания. К моменту его обморока изначально накопленная духовная сила уже полностью иссякла.

Но, возможно, разрушение вело к созиданию. После истощения духовной силы Цюэ Цю, наоборот, получил новую возможность — он повысил уровень.

Или, можно сказать, прорвал ограничения.

На самом деле, Цюэ Цю считал, что его прежнее сравнение духовной силы с ментальной не было ошибкой. Суть практики растений — считать себя сосудом, впитывать из мира эссенцию ци, а затем преобразовывать в духовную силу, которую можно использовать, и хранить её в сосуде.

У только начинающих практиковаться растений объём сосуда был размером с бутылку минеральной воды, способный хранить очень ограниченное количество духовной силы. Но с постепенным повышением уровня размер сосуда тоже увеличивался. Чем дольше проходила практика, тем больше становился сосуд, тем больше духовной силы можно хранить, и тем выше становилась мощь.

Если соотнести боевую систему этого мира с ситуацией самого Цюэ Цю, то бракованные альфы, омеги или беты были эквивалентны обычным растениям, неспособным к практике. Чем выше генетический уровень, тем больше сходств они имели с растениями, имевшими большую духовную силу.

Цюэ Цю, оказавшись в этом мире, явно ощущал, что его истинная сила была сильно подавлена. Он постоянно задавался вопросом, не потому ли, что этот мир просто не способен вместить его изначальную огромную энергию? Поэтому его сосуд был ограничен до объёма, который мог выдержать мир.

Последующие многочисленные проявления действительно подтвердили его догадку.

Он усердно поглощал духовную энергию из питательной жидкости, но как ни старался, не мог вернуться к состоянию, которое имел на Земле. Теперь, если оглянуться назад, возможно, причина заключалась именно в том, что максимальная вместимость сосуда была ограничена. Сколько энергии ни вливай, она ограничивалась фиксированным объёмом. Естественно, что в такой ситуации было невозможно проявить всю силу.

Но эти два раза подряд, когда Цюэ Цю истощал духовную силу до предела, случайно позволили

коснуться этого ограничения, а затем прорвать его, что увеличило объём сосуда и позволило накапливать больше энергии.

Когда всё улеглось, Цюэ Цю медленно открыл глаза. Золотой цвет в них, казалось, стал ещё прозрачнее, как хрустальный шар, вращающийся под светом и переливающийся фантастическим блеском.

Он протянул руку, и с кончиков пальцев посыпались пёстрые светящиеся точки, цвет которых стал глубже, чем прежде, и более плотным. Маленький поток звёздной реки, струящийся с кончика пальца, словно вмещал в себя всю сияющую вселенную, ослепляя и завораживая.

— Духовная сила стала чище, — тихо прошептал Цюэ Цю.

Он чувствовал, что все энергетические каналы в теле расширились, позволяя накапливать больше духовной силы.

Это означало, что его сила в этом мире поднималась на новый уровень, и даже лечение альф и бет с лечебного отделения станет для него легче.

Однако текущая ситуация заключалась лишь в увеличении собственного объёма сосуда. Ранее истощённая духовная сила действительно была израсходована, поэтому сейчас в теле Цюэ Цю осталось не так много энергии. Это было похоже на то, как если бы остался пустой термос, без горячей воды.

Именно поэтому, когда он недавно появился перед Бай Тяньсином и другими, он выглядел несколько хрупким и уязвимым.

Но это не было большой проблемой: достаточно поглощать больше духовной энергии и перерабатывать её в духовную силу.

Цюэ Цю вернулся в спальню, проглотил все оставшиеся питательные жидкости, и только тогда его лицо с трудом можно было считать немного восстановившимся.

— Похоже, в ближайшие дни придётся чаще ходить на чёрный рынок, — прикинул Цюэ Цю.

В течение некоторого времени после прорыва для него наступал период слабости: чем быстрее он сможет восполнить духовную силу, тем лучше для восстановления.

Но перед этим у него остались нерешённые дела.

Когда Цюэ Цю снова пришёл в лечебное отделение, уже снова спустилась ночь.

Луи думал, что он, возможно, больше не придёт. Ведь даже для омеги-целителя уровня А проведение ментального успокоения сразу для более чем двадцати альф — это абсолютно истощающее организм действие, которое могло нанести непоправимый ущерб и оставить постоянные травмы и последствия.

Тем более, Цюэ Цю не был омегой-целителем. Это вообще не являлось его обязанностью, и то, что он выступил, уже заслуживало уважения.

Поэтому, даже если бы Цюэ Цю больше не пришёл, это не изменило бы мнения о нём: в любом случае, молодой человек был абсолютно божественным существом.

Но факт заключался в том, что этот стройный омега снова появился у высоких стен лечебного отделения.

Рабочая форма тренировочного костюма обрисовывала его стройные, прекрасные линии тела. Хотя по сравнению с обычными омегами он казался довольно миниатюрным, это совершенно не могло скрыть его жизненную, энергичную силу.

По сравнению с предыдущими днями, Цюэ Цю, казалось, стал ещё более худым. Стоя на ветру, он напоминал колеблющуюся, изысканную розу — хрупкую, но полную жизненной упругости. Он всегда слегка приподнимал подбородок, и, казалось, ничто не могло сломить его. В нём чувствовались и упрямая гордость, и что-то трогательное.

Даже издали Луи мог ясно видеть сияющие, как рассвет, глаза, настолько чистые, что хотелось добровольно следовать за ним — подобно тому, как следовали за солнцем.

Более того, все члены инспекционной команды увидели, что на этот раз Цюэ Цю пришёл не один.

За ним действительно шло много последователей.

Все застыли в оцепенении, не веря своим глазам.

Это была сцена, невозможная даже во сне.

Даже Цюэ Цю немного растерялся.

Он посмотрел на более десятка теней, добавившихся на земле, обернулся и увидел, что неподалёку стояли омеги-целители во главе с Бай Тяньсином.

На их головах красовались самые разные очаровательные маленькие растения. Они носили одинаковые белые формы целителей, и даже без специальных украшений каждый из них был

прекрасен, словно пришёл на праздничный бал.

Омега с гипсофилой во главе сказал Цюэ Цю:

— Я долго думал, но так и не смог полностью понять то, что ты сказал. Однако, если этот мир действительно можно изменить, то мы все готовы стать теми, кто его изменит.

Цюэ Цю пришёл в себя. Он понял, что они хотели сделать, и уголки его губ слегка приподнялись в улыбке.

Он кивнул омегам. Его голос был очень-очень тихим, но каким бы тихим он ни был, стоило только ветру услышать его, как он донёс его до каждого.

— Конечно, он будет становиться всё лучше и лучше.

После восхода солнца вся тьма и мрак рассеются, а тучи разойдутся.

<http://bllate.org/book/13573/1326326>